

НИКОЛАЕВСКИЙ ПЯТГОРЕЦ

По благословию Мефодия, Митрополита Астанайского и Алматинского
№ 26 (380), 2007 г.

Тропарь Вере, Надежде, Любви и матери их Софии

Торжествует Церковь первородных, и свеселится приемля мать о чадах веселящуюся, яже яко мудрости тезоименитая тройственным богословским добродетелем равночисленные породе. Тыя с мудрыми девами зрит уневестившияся Жениху Богу Слову, с нею и мы духовне в памяти их свеселимся, глаголюще: Троицы поборницы, Веро, Любве и Надеждо, в вере, любви и надежде утверждайте нас.

Слово о кресте

После исповедания апостолом Петром веры в Иисуса Христа как Сына Божия Господь начинает открывать Своим ученикам тайну предстоящих Ему страданий, смерти и Воскресения. Вот как пишет об этом евангелист Матфей

"С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть" (Мф. 16. 21).

И далее Иисус сказал Своим ученикам: "Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу (то есть жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее" (Мф. 16. 24-25).

Давайте рассмотрим этот непростой для понимания текст. Говоря о Своих предстоящих страданиях, о Кресте и смерти, Господь одновременно подчеркивает, что непременным условием следования за Ним также является поднятие и несение человеком собственного креста. Почему вдруг возникает этот образ креста? Ведь Господь еще не распят, Он жив. Крест не имеет еще того определяющего духовного значения, которое он приобретет в дальнейшей истории христианства. Видимо, это не случайно.

Однако в слове Спасителя крест удивительным образом вдруг предстает как некая заповедь человеку, как нравственный долг каждого, кто желает следовать за своим Господом и Учителем. Выстраивается логическая цепь: хочешь быть со Христом, стать Его учеником, желаешь исполнять заповеди Божии - возьми свой крест, то есть добровольно прими страдания, боль, может быть, даже позор и бесчестие, и следуй за Ним. Что же такое крест в евангельском понимании? Прежде всего это реальность, изначальная данность нашего существования, которая присутствует в жизни каждого человека и не зависит от его воли. Свой крест нет необходимости искать, его не нужно специально для себя придумывать, ибо он уже существует в нашей жизни.

Однако было бы совершенно неправильно подразумевать под крестом временные жизненные осложнения, например, профессиональные трудности, проблемы в обучении, или следствия слабости характера человека, его недостатков и просчетов.

Крест в евангельском понимании - это страдание и боль, которые порождаются не зависящими от человека обстоятельствами, преодолеть которые он не в силах. "Возьми крест свой, и следуй за Мною" (Мф. 16. 24), - говорит Господь. Взять крест - значит принять скорбные обстоятельства жизни, вытерпеть и превозмочь посланные испытания, не пасть под их бременем, не дать им раздавить себя. Это требует проявления крепости духа, терпения, мужества, способности преодолевать трудности, но особенно - смирения. Может возникнуть вопрос: неужели христианство - религия только несгибаемых и стойких людей? Нет, не только. Христос призывает к Себе всех: и сильных, и не очень сильных, и совсем слабых. Но когда человек обретает веру во Христа, она удивительным образом умножает его внутренние силы.

Каким же образом происходят эти изменения в душе и в характере уверовавшего человека? Обратим внимание: Господь не просто говорит: "Возьми крест свой, и следуй за Мною", но "Отвергнись себя, и возьми крест свой..." Это очень важное условие обретения человеком внутренних духовных сил, необходимых для несения своего креста. Что значит отвергнуться себя? В первую очередь - уступить другому, в данном случае Христу, центральное место в своей жизни, которое обычно занимает наше собственное "я". Это значит научиться поставлять Христа или ближнего своего, то есть другого человека, над собственными эгоистическими устремлениями, интересами, желаниями, страстями, инстинктами - другими словами, уметь освободить пространство своего внутреннего мира для другого.

Существует множество примеров самоотвержения человека во имя высшей цели, высшего идеала, высшего блага. Солдат мужественно и терпеливо переносит невзгоды войны, жертвует своей жизнью во имя Отечества и победы, нередко проявляя героизм - высшую степень самоотвержения. Мать ради блага детей беззаветно жертвует собой, претерпевая непосильные тяготы, труды и жизненные невзгоды, зачастую превышающие ее естественные силы.

Таким образом, отвержение себя есть ключ к обретению внутренней силы, необходимой для несения того креста, который дает Господь.

Итак, способность человека нести крест есть не что иное, как выражение внутренней силы. А ее источником является наша готовность жертвенно и с любовью, преступая интересы своего "я", ставить в центр собственного существования Господа или ближнего, через которого, по слову апостола и евангелиста Иоанна, Сам Бог входит в нашу жизнь. Каждому из нас Господь дает крест по его силам, и непосильного креста не бывает. И если Бог призывает взявшего свой крест следовать за Ним, то есть исполнять Его заповеди, то Он дарует такому последователю и силы для крестоношения. Если мы хотим встретить выпавшее нам испытание лицом к лицу и с честью вынести его, если даже в самых трагичных обстоятельствах жизни желаем сохранить достоинство, самоуважение и внутреннюю свободу, то должны идти вслед Господу и Спасителю нашему. Ибо только следуя за Христом человеку возможно нести бремя скорбей, которые сопровождают его в земной жизни. Так в следовании Христу через несение креста нам являются истинность, спасительность и актуальность евангельских заповедей.

Существует притча о человеке, который, утомившись от противостояния постигающим его скорбям, обращается с молитвой ко Господу: "Боже, нет сил терпеть, смилостивься надо мною, дай мне крест полегче". Господь ему отвечает: "Вот лежат перед тобою кресты, выбери сам". И начал тот человек искать себе крест по силам, и показался ему один из крестов самым подходящим. Взвалил он его на свои плечи - оказалось тяжело и неудобно, стало клонить к земле. То же произошло и с другим крестом, и с третьим. Долго человек перебирал все возможные кресты, пока наконец не отыскал самый малый из всех. Взял его и почувствовал, что этот крест словно для него приготовлен. И говорит человек Господу: "Позволь мне взять этот крест, он самый легкий по сравнению с другими". Господь говорит в ответ: "Это и есть тот самый крест, от которого ты отказывался".

Эта притча не только образно, но и очень точно иллюстрирует истину о том, что каждый человек несет по жизни собственный крест, соответствующий его духовным и физическим возможностям.

"Кто хочет душу свою (или, в другом переводе, жизнь свою) сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее (или, в другом переводе, сбережет ее)" (Мф. 16. 25).

Человек состоит как личность не тогда, когда судорожно цепляется за жизнь, но когда уступает главенствующее место в ней Богу и ближнему, обретая в самоотверженном следовании заповедям Спасителя мужество и терпение, помогающие ему совладать с любым жизненным испытанием. И тогда в нашей душе благословением Божиим претерпеваемые человеком страдания, скорби и болезни оборачиваются мудростью, жизненным опытом и духовной силой, столь необходимыми человеку для полноты его жизни.

Размышляя о кресте, очень важно со всей определенностью отделить подвиг крестоношения от других видов человеческой скорби. Евангельский крест следует понимать как объективную реальность нашей жизни: Господь посещает людей скорбями, испытаниями и болезнями, которые чаще всего не зависят от их свободной воли и выбора.

В самом деле, нередко человек сам является причиной своей трудной жизни, постигающих его неудач и несчастий. Он совершает ошибки, избирает ложные цели, становится жертвой собственного легкомыслия, неопытности или недобрых намерений, вступает в конфликты с ближними, страдает от своей неосмотрительности и так далее. В этом случае существует причинно-следственная связь между нашим страданием и породившими его грехами, заблуждениями, ошибочными действиями и убеждениями самого человека. Такого рода тяготы не есть жизненный крест человека, так как их можно было избежать.

Возьмем, к примеру, такое распространенное в современном мире явление, как межнациональные конфликты. Являются ли они крестом для сопредельных этносов? Нет, не являются. Потому что межнациональные конфликты являются результатом непродуманных, несвоевременных, а порой и преступных действий конкретных политических сил. Однако если обратиться к судьбе отдельного человека, ставшего заложником межэтнического конфликта, то наш взгляд на проблему неизбежно изменится. Ибо жертвы конфликтов обречены на страдания вовсе не потому, что были его причиной, следовательно, их нынешние мучения - не воздаяние за грех. Трагичные события, в результате которых один теряет жизнь, другой - здоровье и трудоспособность, третий - семью, четвертый - отчий кров и возможность жить на родине, становятся жизненным крестом для этих людей.

То же самое можно сказать и о преступности. Это не крест, но безобразие человеческого общества, тогда как человек, ставший жертвой преступности, получает свой крест как бы извне, потому что его страдание явилось результатом событий, от него не зависящих. Поэтому, чтобы сознательно осуществить в своей жизни призыв Христа Спасителя: "Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною", - нужно отчетливо понимать, что есть наш истинный крест, а что крестом не является, какое страдание должно почитаться крестом, а какое - нет.

В испытаниях, посещающих человека, как, впрочем, и в ситуации любых жизненных трудностей, возможны различные модели поведения, обусловленные тем, что люди по-разному реагируют на страдание. В одних случаях оно ломает человека, деформирует его личность, заражает страхом и неуверенностью, иногда выбивая из колеи на всю последующую жизнь.

В других случаях реакцией на страдание могут стать ропот и осуждение, прежде всего направленные против Бога: "Где же Ты, когда я так страдаю? Почему именно мне, а не другому выпал этот жребий?!"

Возможна также ситуация, когда человек, не умея совладать с постигшим его испытанием, впадает в эмоциональный столбняк, в оцепенение всех чувствований и сил, в тупое безразличие к себе и к миру. Чаще всего такая личностная реакция реализуется в пьянстве или иных саморазрушительных страстях, уводящих человека от реальной жизни, ставшей для него непереносимой.

Ответом личности на страдание может стать и резкий, сокрушающий протест против всего и вся. Этот бунт есть род некоего беснования, когда человек всем своим существом восстает и против необходимости нести бремя собственного страдания, и против мира, в котором страдание существует. Такое безумство иногда приводит к самому трагичному и страшному исходу - самоубийству, становящемуся жутким ответом человека на постигшее его страдание: унижение, боль, горе, стыд.

Евангелие и история Церкви определенно свидетельствуют, что крест, если это действительно крест Божий, не может оказаться непосильным, не может быть погибельным для человека, что каждому из нас непременно дается от Господа запас внутренних сил для претерпевания и преодоления страдания. Спаситель ясно указывает нам путь в скорбных обстоятельствах жизни: "отвергнись себя", забудь о себе именно в самый тяжкий момент твоего переживания. Это кажется немыслимым, противоречащим всему опыту человеческой жизни, ибо в подобных ситуациях человек, напротив, как раз склонен забывать обо всем, кроме собственных страданий, ведь оно фокусирует наше внимание на нас самих.

Внимательно вглядываясь в жизнь, можно убедиться, что внутренняя установка на самоотверженность, жертвенность оказывается спасительной в условиях переживаемого человеком страдания. Мать забывает самое себя в стремлении спасти своих детей при любых обстоятельствах. Она понимает, что, если будет бездействовать, предаваться ропоту или унынию, погибнут ее чада, и в жертвенном самоотвержении спасает их и себя. Другой пример - солдаты, поднимающиеся в атаку. Для каждого из них война - это крест, потому что не от солдата зависит, начинать войну или нет. Но раздается команда: "В атаку!" - и боец должен выйти из окопа, сделав, быть может, шаг навстречу своей смерти. Если в эту минуту воин будет думать только о себе, о своей жизни, о собственном благополучии, о послевоенном будущем, то он никогда в атаку не пойдет. Для этого нужна иная, высшая мотивация. Выйти из укрытия под шквальным огнем противника, преодолевая в себе могущественный инстинкт самосохранения, можно только проявив самоотверженность во имя идеи или цели, превосходящих ценность собственной жизни, то есть, по слову Христову, отвергшись себя. А это и есть несение креста.

Религиозный человек, находящийся в кризисной, тяжелейшей ситуации, именуемой крестом и страданием, забывает себя ради Господа, ради самого высокого, что есть в его жизни. Забыть себя ради Бога означает осознать Его присутствие в душе, в центре своей жизни, иначе говоря, действовать в трудной ситуации в соответствии с тем, чему Он учит и к чему Он призывает нас.

Замечено, что особых качественных изменений в совершенствовании своей интеллектуальной, физической и духовной деятельности люди достигают как раз в экстремальных ситуациях, требующих от них предельной внутренней концентрации. Прорыв, рывок, резкий рост всегда происходят на грани между "могу" и "не могу".

Многих трудов требует самосовершенствование спортсмена, которому нужны колоссальная сила воли, целеустремленность, умение ежедневно преодолевать себя и соблазны мира во имя поставленной цели. Не случайно столь часто из уст тренеров звучит подбадривающий призыв, обращенный к их подопечным: "Терпи!" Но приходит день, когда спортсмен оказывается перед необходимостью либо победить, огромным усилием выйдя за пределы своих физических возможностей, как говорится, прыгнув выше собственной головы, либо не суметь совершить этого качественного скачка и проиграть.

То же относится и к сфере образования, и к области творчества, где человек совершает, кажется, невозможный для себя рывок именно тогда, когда преодолевает грань между "могу" и "не могу".

Не исключение также и духовный прогресс личности. Он также наиболее интенсивен в ситуациях, когда мы лицом к лицу сталкиваемся со скорбями и трудностями этой жизни. Не в тихой идиллии домашнего уюта и устоявшегося быта, не в условиях комфорта и благоденствия, не в благоприятной и благожелательной обстановке происходит духовное возрастание человека, но в ситуации, когда он лицом к лицу сталкивается с тяготами, которые возлагает на него жизнь. Взять крест свой и следовать за Господом - значит самосовершенствоваться в терпении и любви, возрастать в духе от силы в силу, поставив над собой и своим существованием закон заповеди Спасителя. Причем делать это нужно не умозрительно-теоретически и не в оранжерейных условиях, а в гуще жизни, преодолевая в любви ко Господу и ближним ту скорбь и ту боль, которые были нам даны. Если в центр своей жизни человек ставит Бога, если он готов взять свой крест, если мужеством, терпением и самоотвержением он способен преодолеть скорбь и боль, то Господь ему Помощник. "Следуй за Мною", - говорит Спаситель. В этих призывных словах есть некое прикровенное указание на обязательную помощь Божию, призыв не отчаиваться, как бы ни было трудно, не впадать в озлобление, не лезть в петлю, не погружаться в порок, не терять ориентиров в жизни, иначе - погибель.

Мы рассматриваем евангельский текст, столь трудный как для понимания, так и для практического приложения к нашей жизни. Но, с другой стороны, именно здесь находится ключ к решению самых сложных проблем нашего земного бытия. Если попытаться в своей жизни осуществить то, к чему призывает Господь: стремиться

преодолевать страдание и скорбь через терпеливое и мужественное несение креста, поставлять в центр жизни своей Бога и следовать Его заповедям и Его слову, - то мы с неизбежностью убедимся в том, что это не простые слова, но глубокая истина человеческого существования.

Многовековая история Церкви и опыт святых угодников Божиих, которые именно таким, а не иным образом несли свой крест, свидетельствуют о необходимости для нашего спасения как в нынешней жизни, так и в жизни вечной того, чему более двух тысяч лет назад учил Господь Своих учеников на дороге, ведущей в Кесарию. Пусть же каждый из нас несет свой крест так, как заповедал нам наш Спаситель.

<http://www.interfax-religion.ru/logos/index.php>

Побуждение к мужеству в повседневных духовных бранях

о имя Отца и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы празднуем память святых, которые очень почитаются в Русской Православной Церкви, хотя в богослужебном обиходе они и не отмечены никакой особой службой. Мы вспоминаем святых мучениц: отроковиц Веру, Надежду, Любовь и их мать Софию. Почему на Руси сложилась традиция особого почитания этих святых мучениц? Я думаю, что причина заключается в том необыкновенном подвиге мученичества, который они совершили в столь юном возрасте, когда человек, казалось бы, даже не способен вполне отвечать за себя, управлять собой и до конца осознавать, что он делает.

Таким детям даже делалось снисхождение в отношении исповеди: в старину ребенку можно было не исповедоваться до десяти лет. Сейчас, в связи с тем что у нас существует традиция отдавать детей в школу с семи лет, мы, как правило, начинаем исповедовать детей с этого возраста или даже чуть раньше.

Представьте себе, дети, да притом девочки, совершили такой невероятно тяжелый подвиг. Нужно понимать, что в жизни все происходит не так романтично и возвышенно, не так гладко и беспрепятственно, как нам представляется, когда мы читаем жития святых. Ведь в житиях не рассказывается о многих тысячах людей, которые под угрозами пыток или под пытками не выдержали и отреклись от Христа, хотя некоторые из них впоследствии каялись. Нам известно это не только из древней церковной истории, но и из недавней истории нашей страны. Во времена безбожной советской власти очень многие не вытерпели скорби гонений, и в сравнении с этим общим числом лишь малая часть людей остались мужественными до конца и во всем безупречными: не отреклись от Бога и не предали своих ближних на страдания и мучения. Конечно, так было и в древности, потому что люди всегда одни и те же. Но поскольку с того времени, как пострадали святые отроковицы (а это произошло в сто тридцать седьмом году), минуло почти тысяча девятьсот лет, то для нас их мученический подвиг как бы скрылся за дымкой времен, в глубине веков, и мы не осознаем, насколько он был тяжел и страшен.

Даже люди, вполне осознававшие, что такое вечная жизнь, имевшие глубокую веру и горячую ревность, подчас проявляли малодушие. Почему? Потому что человеческие силы ограничены. Каким бы ни был человек, могучим или, как говорят, сильным духом, обладай он даже железной волей, но мера страданий может превзойти крепость самого выдающегося в этом отношении человека. И кто, подобно апостолу Петру, готов поднять меч на врагов христовых, тот, когда нужно проявить терпение, также подобно апостолу Петру, отрекается, как он трижды отрекся, совсем забыв о своем недавнем намерении пойти ради Господа в темницу или на смерть. И вдруг мы видим, что не просто женщины, даже не девушки, а отроковицы, которые, казалось бы, не могли иметь полного осознания и понимания того, на что они идут, совершили такой подвиг! Почему? Потому что сила Божия совершается в человеческой немощи, как Сам Господь наш Иисус Христос открыл это апостолу Павлу: "Сила Моя совершается в немощи" (2 Кор. 12, 9). Когда человек осознает свою глубочайшую немощь и беспомощность, но в то же самое время имеет усердие к исполнению заповедей, тогда благодать Божия, вопреки всякой логике, даруется ему ради одного только его смирения и желания угодить Богу. Ради сочетания этих двух добродетелей человек сподобляется получить неизреченную помощь Божию, превосходящую человеческий разум. Мы видим это на примере мучениц Веры, Надежды и Любви.

Женский пол, как мы знаем, обладает меньшим мужеством по сравнению с мужским, но эти еще совсем незрелые, юные девицы, девочки, как мы сейчас говорим, смогли совершить великий подвиг, потому что в них действовала сила Христова. Если мы хотим яснее осознать и прочувствовать, что, собственно, совершили эти святые, если хотим понять, почему так почитает их народ, который сердцем своим, своим народным чутьем ощущает величие их подвига, посмотрим на детей, окружающих нас. Посмотрим на детей их возраста: Вере было двенадцать, Надежде - десять, Любви - девять лет. Не будем забывать и о подвиге их матери Софии, она также была сравнительно молодой: если старшей дочери было двенадцать, то ей - приблизительно тридцать или чуть больше. Она также совершила необыкновенно мужественный подвиг: укрепляла на мученичество своих дочерей, в которых лишалась

надежды на земное счастье, и так страдала об их кончине, что от горя умерла на их телах. Посмотрим же на сегодняшних детей, на девочек возраста этих юных мучениц, посмотрим на молодых женщин возраста мученицы Софии. Если мы представим себе их в подобной ситуации, то сможем хоть несколько осознать, какова была сила их веры. Сможем понять, что именно неизъяснимая благодать Божия укрепила их на подвиг, не только превосходящий человеческие силы, но даже не вмещающийся в человеческий разум. Невозможно и представить себе, чтобы отроковица девяти лет вытерпела столь нечеловеческие страдания с таким благодушием, верой и твердостью!

Пример святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии должен укреплять нас в нашем повседневном подвиге. Нам нужно понимать, что если бы они в своей предыдущей мирной жизни не были благочестивыми христианками, то оказались бы неготовыми вытерпеть такие нечеловеческие страдания. Мы обычно оправдываем себя тем, что на нашу долю не выпало никаких особенных испытаний, и потому снисходим к себе, все себе позволяем - ведь тяжких грехов мы не совершаем, а в мелочах Господь простит нам наши прегрешения, Господь милостив. Чрезмерно уповая на милосердие Божие, мы на самом деле постоянно пребываем в нерадении, ничуть не понуждая себя к жизни по Евангелию. Мы так нерадивы, что не имеем сил понудить себя даже к чему-то малому. И потому, если мы вдруг подвергнемся действительно страшному искушению, каковое пришлось вытерпеть этим мученицам, то, безусловно, окажемся совершенно неготовыми. Доказательство этого мы имеем в недавней истории нашей страны. Именно такое положение дел было тогда, когда в России грянула революция, - многие как будто бы благочестивые люди оказались неготовыми к этим страшным испытаниям, потому что думали, что у них все хорошо. Они жили в христианской стране, в которой при всеобщем охлаждении веры, никто, тем не менее, не препятствовал человеку жить благочестиво, если он того желал. По сравнению с сегодняшней жизнью тогда и соблазнов, конечно, было гораздо меньше. Многие оказались неготовыми к этой общественной катастрофе: вчерашние прихожане вдруг стали гонителями Церкви, совершали нечеловеческие, дикие зверства по отношению к своим недавним пастырям и духовникам, по отношению к тем, кто пытался их защищать, пытался охранять церковное имущество от разграбления.

Вы знаете, что у нас на Урале был Григорианский раскол, учредителем которого был архиепископ Григорий, потом самочинно объявивший себя митрополитом. Когда только грянула революция, этот человек произносил пламенные речи о том, что Россия восходит на Голгофу, что православные должны проявить мужество и так далее. Но побывав в застенках ЧК, он вышел оттуда совсем другим человеком. Стал идти на компромиссы с властью, преследовать людей, преданных Святейшему Патриарху Тихону, а впоследствии его Местоблюстителю, Митрополиту Сергию - и таким образом явился врагом Церкви. Многие верующие люди, которые проявляли необыкновенные административные и организаторские способности в церковной жизни, как будто бы показывали ревность в заботе о процветании Церкви Божией, оказались неспособными выдержать испытания гонений от безбожной власти. Они предавали самих себя, предавали и своих близких. Мы же хотя и снисходим к ним и не осуждаем, потому что, как правило, все это происходило под пытками, однако же извлекаем для себя урок. Если мы не будем подвизаться, то не будем в состоянии выдержать ни одного испытания. Если мы будем примиряться со всяким, как выразился Ф. М. Достоевский, "мелким бесом", думая, что мы должны готовить себя только на великие дела, то не будем готовы вообще ни к каким искушениям.

Мы можем увидеть это на примере своей собственной жизни. Когда у нас все хорошо и спокойно, то мы ведем себя кротко, но, как только произойдет что-то, выходящее из ряда обычных событий, какая-то неожиданная неприятность, мы забываем даже вспомнить о добродетели кротости, всякое знание о ней как бы исчезает из нашего ума и на нас находит, как выразились святые отцы, самая злейшая из страстей - забвение. Можно привести примеры подобного действия любых наших страстей, которые вытесняют из нашего ума даже память о добродетели. Поэтому, взирая на пример святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, проявим твердость и мужество в своих повседневных мелких и ничтожных, как нам кажется, бранях. Проявим усердие и ревность в нашей обычной жизни. И тогда Господь пошлет нам Свою благодать, чтобы мы смогли беспрепятственно совершить свой христианский подвиг. Даже если жизнь наша будет совершенно благополучной, легкой и беспечальной, каждого из нас ждет испытание при отшествии из этой жизни и после смерти. Это столь важное, столь ответственное, серьезное и страшное испытание бывает неожиданным как раз для тех, кому кажется, что у него все хорошо. И потому будем вести брань без всякого снисхождения к себе, чтобы подготовиться к встрече с этой неминуемой для всех нас скорбью.

Схиигумен Авраам (Рейдман)

30 сентября 2003 года

Икона Божией Матери, Именуемая "Целительница"

Икона "Целительница" является одной из древнейших (VI век), современницей святой Нины, просветительницы Грузии, другая икона с таким же наименованием прославилась чудесами в XVIII столетии. В книге святителя Димитрия Ростовского "Руно орошенное" содержится следующий рассказ о чудесном знамении Богоматери. Клирик Наварнинской Церкви Викентий Бульвиненский имел благочестивую привычку при входе и выходе из церкви преклонять колена пред образом Божией Матери и произносить краткую молитву:

"Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою! Блаженно чрево, носившее Христа, и сосцы, питавшие Господа Бога и Спасителя нашего!"

Однажды этот благочестивый клирик заболел опасной болезнью: у него начал гнить язык, и боль была настолько сильна, что он терял рассудок. Придя в себя, больной мысленно прочитал свою обыкновенную молитву к Богородице и тотчас у изголовья увидел прекрасного юношу. Гостем был Ангел Хранитель. С состраданием взирая на больного, Ангел воззвал к Пресвятой Богородице, вознося Ей молитву об исцелении. Вдруг явилась Сама Мать Божия и послала знамение Своей неизреченной милости: больной почувствовал себя совершенно здоровым, пошел в церковь и стал на клиросе вместе с поющими. Икона Божией Матери "Целительница", находившаяся в Москве, является копией с образа из Цилканского храма в Карталинии, написанного во времена святой равноапостольной Нины (IV век). Икона изображает Божию Матерь, стоящую у постели больного клирика.

Великий князь Киевский Игорь Ольгович

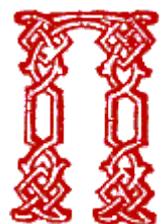
До св. крещения Георгий, в 1146 г. был взят в плен князем Изяславом и заточен в одном из монастырей Переяславля Русского, или Южного (ныне Переяславль Хмельницкий). Вдали от суеты мира, тяжело больной, он стал раскаиваться в своих грехах и избрал иноческое служение. 5 января 1147 г. еп. Переяславский Евфимий постриг его. По выздоровлении он был переведен в Киевский Феодоровский монастырь, где принял схиму с именем Игнатий и предался иноческим подвигам.

Но дух братоубийственной ненависти бушевал над Киевом. Черниговские князья, двоюродные братья Игоря, замыслили заманить Изяслава Киевского в совместный поход, с тем чтобы захватить его и убить. Заговор открылся, когда князь был уже на пути к Чернигову. Возмущенные киевляне, узнав о коварстве черниговцев, обрушили месть на ни в чем неповинного князя-схимника. 19 сентября 1147 г. святой Игорь был зверски убит.

Господь прославил страдальца чудесами. По благословию митрополита Климента Смолятича, Игумен Феодоровского монастыря Анания совершил погребение страстотерпца в храме Киевского Симоновского монастыря. 5 июня 1150 г., когда киевский престол был занят Юрием Долгоруким, его союзник, кн. Черниговский Святослав Ольгович, родной брат убиенного Игоря, торжественно перенес св. мощи на родину, в Чернигов, где они были положены в раку "с теремом" в кафедральном Спасском соборе. Тогда же было установлено празднование памяти святого.

Благодарные князья Феодор и чада его Давид и Константин, Ярославские чудотворцы

Правнук Владимира Мономаха. Овдовев, женился на дочери хана Золотой Орды, принявшей православие. От этого брака родились оба сына Феодора: Давид и Константин. В Орде князь воздвигал церкви и заботился об облегчении участи несчастных пленников. Вернувшись в Ярославль, князь и его супруга продолжали церковное строительство, помощь бедным и духовенству. Скончался св. Феодор 19 сентября 1299 года. перед смертью принял монашество. Давид и Константин подражали благочестивой жизни отца и согласно своему желанию были погребены в его гробнице в Спасо-Преображенском монастыре.

Нетленные мощи святых Ярославских князей были обретены в 1463 году. Началось с того, что прозрели две слепые женщины. Затем последовали другие чудеса, но духовенство города Ростова, к кафедре которого принадлежал Ярославль, сомневалось в святости Ярославских князей. Пред самой их гробницей был поражен расслаблением Ростовский протопоп Константин и долго не мог прийти в себя. Также был наказан и Ростовский епископ, который, получив исцеление, всю остальную жизнь свою провел в затворе в Спасо-Преображенском монастыре, оплакивая свое согрешение. Между тем чудеса продолжались. Самым замечательным из них было исцеление 15-летнего князя Романа Дорогобужского, родившегося немым.

3 октября

Благодарный князь Михаил Черниговский

тец преподобной Евфросинии Суздальской, был зверски убит 20 сентября 1244 г. в Орде за отказ пройти сквозь священный обрядовый огонь перед ставкой хана и поклониться языческим идолам. Вместе с ним был замучен и его любимый боярин Феодор. Служба этим святым так передает ответ князя Михаила хану Батю, который обещал ему в случае повиновения сохранение жизни и всевозможные почести:

"Да не будет мне о пребеззакониче, Христа отвращися и ложным богом твоим поклонитися. Что бо ми тобою претимая мука или настоящие житие противу будущего Царствия?"

Христиане тайно взяли тела мучеников из Орды и перенесли их в Чернигов. В 1572 г. по повелению Иоанна Грозного святые мощи мучеников и исповедников князя Михаила и боярина Феодора были взяты в Москву. Притекающие к ним верующие получали от них исцеления от различных душевных и телесных недугов.

Святой благодарный князь Олег Брянский

в. блг. князь Олег Брянский был внуком св. мученика князя Михаила Черниговского. После 1274 года он оставил княжение и ушел в монастырь, построенный на его средства. В этой обители святой благодарный князь скончался строгим подвижником и был погребен в монастырском храме.

4 октября

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский

олее двадцати лет напряженных трудов святитель Димитрий отдал великому делу - работе над житиями святых, составлению Четых Миней, которыми он принес неизмеримую пользу русскому народу. Другим важным подвигом святителя стало написание обширного сочинения "Розыск о Брынской вере", раскрывавшего сущность раскола. Скончался в 1709 году от грудной болезни. После обретения мощей святого в 1752 году при гробе его открылся обильный источник исцелений. 22 апреля 1757 года причислен к лику святых.

5 октября

Преподобный Иона Пресвитер

ил в Палестине проводя добродетельную и богоугодную жизнь Он состоял в браке и имел двух сыновей, прославленных Церковью как доблестных исповедников и борцов за православную веру во время разгара иконоборческой ереси - Феодора (память 27/XII) и Феофана (память 11/X) Начертанных. "Начертанными" святые братья именуются потому, что они перенесли следующее истязание: им на лицах раскаленными иглами начертали позорящие слова. После смерти своей супруги, святой Иона пресвитер удалился в Лавру преподобного Саввы Освященного, где еще раньше принял монашество оба его сына; приняв и сам иноческий постриг, святой Иона подвизался в Лавре вплоть до своей смерти. Господь послал ему благодатный дар врачевания. Кончина его была мирной.

Зачатие святого Иоанна Предтечи

ачатие святого Иоанна Предтечи было возведено Архангелом Гавриилом отцу его праведному Захарии. Святые Захария и Елисавета не имели детей, что в то время считалось наказанием Божиим за грехи, и оба достигли уже старческого возраста. Многие годы они усердно молились о даровании им потомства, и Господь услышал их молитву. Святой Захария был священником Иерусалимского храма. Совершая однажды, в порядке своей чреды, каждение внутри храма, он сподобился увидеть Архангела Гавриила, стоявшего по правую сторону жертвенника. Увидев его, Захария смутился и был объят страхом. Архангел ободрил его и возвестил, что Господь дарует ему сына, который явится Предтечей Спасителя и Искупителя всего мира и будет послан подготовить людей к принятию Мессии. Захария смутился и просил знамения, удостоверяющего сказанное Архангелом. Знамение это было ему дано: Захария оставался нем и не мог говорить до тех пор, пока пророчество Архангела не сбылось и не родился Предтеча Господень Иоанн. Тогда при наречении имени младенцу уста Захарии разрешились от немоты, и он начал прославлять за дивное Его милосердие к людям Господа Бога, Ниспославшего миру святого славного Пророка Предтечу и Крестителя Господни Иоанна.

<http://bogolub.narod.ru/calendar/october/6oct.htm>

Диакон Андрей Кураев

О "ТИТАНИКЕ" И ПРОРОКЕ ИОНЕ

В наши дни очень трудно обратить необразованного человека, потому что ему все нипочем. Популярная наука, правила его узкого круга, политические штампы и т.п. заключили его в темницу искусственного мира, который он считает единственно возможным. Для него нет тайн. Он все знает. Человеку же культурному приходится видеть, что мир очень сложен и что окончательная истина, какой бы она ни была, обязана быть странной.

Льюис К. С. "Христианство и культура"

То, что сделано в этой статье, может не понравиться многим людям. Вот, мол, всё эти церковники подгребают под себя. И даже абсолютно светский, наш, развлекательный фильм - и его они ухитрились перетолковать по-своему, и его умудрились нафаршировать своей тухлой моралистикой. В общем, пришли в своих черных рясах и украли наш праздник.

Но нет здесь никакого воровства и никакого идеологического мошенничества. Ничего ни у кого я не хочу красть. Напротив, мне хотелось подсказать читателям, что есть возможность получить подарок. Что за подарок? Нет, я не о "вечной радостной жизни с нашим любящим Другом Иисусом". Подарком может стать более глубокое, осмысленное и яркое видение мира.

Оказывается, если овладеть языком православного богословия и языком религиоведения - даже обычные вещи могут заиграть совершенно новыми гранями. В обыденном открывается необычное. Назовем ли мы насилием такую метаморфозу! Грабеж ли это! Жизнь человека с такими, новыми глазами - становится ли она тусклее и беднее - или ярче и богаче! Я убежден во втором. Но что я буду выпячивать свои убеждения? Как мог, на частном примере я это попробовал ПОКАЗАТЬ.

Для религиозного взгляда любая вещь больше самой себя. Все становится символом. Все указывает за свои пределы. И камень, и фильм, и моя душа.

И, кроме того, как запретить мысли работать, используя в качестве материала все, что попадает под ее пальцы! Вот попался фильм "Титаник". Просто глазеть - или разрешено подумывать! Мысленные пальцы и принялись привычно ткать паутину силлогизмов. Тем более, что в фильме так много воды и льда - а у меня они с юности связаны со строчками Цветаевой: "...О кому повем печаль мою, беду мою, жуть - зеленее льда... - Вы слишком много думали. Задумчивое: да..."

Вот и захотелось показать, что столкновение веры и фильма может родить - мысль. То есть попытку серьезного разговора о том, что кажется несерьезным.

Православные публицисты обычно ругают американское кино. Но слишком уж черно-белым и неумным выглядит деление всего мира на "наше", "русское", "хорошее" и - "американское", "дурное", "антихристианское". "Новое русское кино", как и бесконечные телеигры и лотереи российского телевидения твердят одно: главное - "успех". И лишь старое советское кино, как и некоторые голливудские картины намекают: "успех" - не главное. Главное - не предавай, не топчи других людей, уступи слабому и защити его...

Когда в "Терминаторе-2" биоробот из будущего (персонаж Шварценеггера) погружается в кипящую сталь на глазах у спасенного им мальчика - имеем ли мы право сказать, что перед нами проповедь антихристианства? Терминатор уничтожает себя - чтобы никакая из составляющих его деталек не досталась тем, кто пожелает воспроизвести подобного ему робота и использовать его в качестве супероружия. И в сознании детей, смотревших этот фильм, остается плачущий мальчик, смотрящий на защитившего его странного друга - и рука Терминатора, постепенно погружающаяся в лаву и прощально поднимающая большой палец... Разве не легче будет после этого рассказывать детям о Евангелии и о той жертвенной этике, что возвещается им?

Вот и после знакомства с "Титаником" я решил сводить в кино своих крестников. Пусть искусствоведы спорят о художественных достоинствах или пустотах этого фильма. Мне важно, что в нем есть то, что так нужно детям и подросткам: ясная грань добра и зла. Вообще-то это та ясность, что нужна и взрослым - но те предпочитают более сложные игры: "с одной стороны... с другой стороны...". Для кого-то "Титаник" - технотриллер. Крестникам же я объяснил, что мы идем на фильм о мужской чести. Тем, кто фильм так и не видел, напомним: мест в шлюпках не хватало на всех. Зная об этом - как поведут себя люди? И кто останется человеком, хоть и потонет в морской пучине, а кто, хоть и спасет свою плоть, но потонет в своей собственной низости?..

При чем тут мои мальчишки-крестники? Мол, крестный отец должен рассказывать своим воспитанникам о "духовном" и заботиться о спасении их душ, а тут речь идет о чем-то чисто человеческом, о чем-то, что вполне умещается в принципы совершенно светской этики... Это правда - тут чисто человеческое. Но разве христианство расчеловечивает человека? Еще во втором столетии св. Ириной Лионский сказал, что грех людей (даже самых первых) состоял в том, что они "не став еще людьми, хотели стать богами". Не пройдя школу человеческой чести и вежливости, воспитанности и человечности - что ж говорить об "обожении"! Слишком часто я видел (в том числе и в зеркале) православных активистов, богословов, священнослужителей, монахов, которые своей жизнью не соответствуют элементарным требованиям порядочности, но при этом проповедуют о ничтожестве мирских ценностей (в том числе и нравственных) по сравнению с высотами Царствия Божия. Юный батюшка, уверенно "тыкающий" престарелым прихожанкам - пусть уж лучше он перед очередной проповедью, обличающей "антихристовы времена", посмотрит "Титаник"...

ПРОЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ: ЯЗЫК МИФОВ И ПСИХОАНАЛИЗА

Самое же поразительное, что увидел я в этом фильме - это наличие в нем прочной, хотя и почти невоспринимаемой религиозной нити. Я не имею в виду священника, остающегося на корабле и до конца дающего людям возможность молиться, то есть возможность умереть по-человечески. Ведь смерть человека тем отличается от смерти животного, что человек осознает свою конечность. И он стремится преодолеть ее тем, что осмысляет свою смерть, тем, что видит нечто, следующее за смертью, после нее, сверх нее. Умереть с молитвой - это в любом случае значит победить смерть, ибо освободить свой взор от плененности ее близостью. Это значит сквозь смерть смотреть на Того, Кто за ней, Кто выше ее и сильнее ее. Предсмертная молитва есть уже победа над смертью. Эту победу дарит людям священник, отказывающийся сесть в последнюю шлюпку...

Но самая глубокая религиозная линия фильма другая - и она незаметна для поверхностного зрителя. Последние кадры фильма вызывают именно к религиозной расшифровке. Свою религиозную идею они несут прямо к подсознанию обычного зрителя, но они же очевидно обращены к профессиональному разуму тех, кто владеет языком религиоведения. Попробуем теперь на этом языке последовательно раскрутить тот идейно-эмоциональный заряд, который несет очень небольшая образная дорожка из концовки фильма. Попробуем осознать то, что было обращено к нашему подсознанию. Понятно, что язык религиоведения хоть порой и близок к языку православного богословия, но не тождественен с ним... Да и создателям "Титаника" язык православного богословия вряд ли был знаком.

Тем, кто не видел фильма, поясню: сюжет фильма выстроен вокруг истории любви двух юных пассажиров "Титаника". Ночь катастрофы была их единственной ночью любви. Эта ночь кончается тем, что юноша жертвует собой, оставаясь в ледяной воде и оставляя место на спасительном обломке для своей любимой (Роуз). Проходят десятилетия. И постаревшая Роуз на уже другом корабле вновь оказывается в том месте, где затонул "Титаник". Фильм завершается последним поступком Роуз, уже понимающей, что ее земной путь завершен - она дарит морю бриллиант. Этот бриллиант она надевала единственный раз в жизни - в ту ночь.

Ее предсмертный жест можно прочесть как простое прощание. Понимая, что ее жизнь окончена, рассказав (исповедав) свою жизнь и свою любовь тем исследователям "Титаника", что и привезли ее вновь в эти места, она подводит черту. Круг жизни замкнут. Все исполнилось. И драгоценнейший бриллиант мира бросается в ту же пучину, что уже давно отняла у Роуз самое большое ее сокровище - ее возлюбленного.

Но есть некоторые детали, которые понуждают видеть в этом жесте и в концовке фильма нечто более сложное и символическое. Прежде всего, речь идет не просто об украшении или памятной вещице, но о бриллианте. Все то, что было сказано выше о смысле последнего поступка Роуз, осталось бы в силе, если бы речь шла не о бриллианте, а о любом другом предмете, напоминающем ей о любви. Но бриллиант, тем более помещенный в таком месте сюжета (в финале), где все должно быть предельно сжато, емко и символично, требует более внимательного взгляда. Бриллиант - символ богатства, света и твердости. И в мифологическом языке, и на языке психоанализа (использование этих языков считается сегодня хорошим тоном в работе современных западных интеллектуалов, к числу которых относится режиссер "Титаника" Кеймерон) этот символ прочитывается одинаково. Это - разные грани, проявляющие и символизирующие мужское начало.

И этот бриллиант опускается в морскую глубину, в лоно вод. Он изначально предназначен именно к этому - ведь в фильме он носит имя "Сердце моря". "Сердце моря" погружается в сердце моря, в глубину, - туда, где покоится "Титаник".

Морские глубины, "сердце моря" на языке психоанализа и мифологии - это символ женского начала. Вода способна вынашивать в себе жизнь. Но для этого ее покой должен быть нарушен вторжением в ее податливые, аморфные глубины мужского начала. То, что кажется концом фильма, на самом деле является началом, зачатием чего-то нового. То, что кажется трагичным (кончина героини), есть на самом деле ее возрождение. Как в романах Достоевского, каждый из которых кончается доброй переменой, но - как предупреждает автор - "это уже другая история".

Встреча моря и света - вот последняя тема фильма. Но в традиционных, древнейших пластах культуры плодом этой встречи всегда оказывается рождение новой жизни. В большинстве мифологий мира море предшествует созданию космоса, то есть упорядоченной вселенной ("космоса", который греческая мифология и философия противопоставляет "хаосу"). Вода аморфна, она не стеснена никакой собственной формой и потому потенциально готова принять любую. В себе вода не имеет жизни - но она готова стать ее соучастницей, если свет коснется ее.

Эта аморфность, докосмичность, дожизненность воды двусмысленна. Вода способна принять новую форму - и потому оказывается символом новизны, творчества, жизни. И вода же растворяет в себе любую форму - и потому, оказывается символом уничтожения и смерти. Эта пронизанность океана символикой жизни, равно как и символикой смерти точно выражена в бальмонтовском "Воззвании к Океану": "Океан, мой древний прародитель, ты хранишь тысячелетний сон. Светлый сумрак, жизнедатель, мститель...".

Не только у христиан погружение в воду (Крещение) является символом нового рождения, символом снятия с человека груза прежних ошибок. Погружение в воду есть возвращение к тому состоянию бытия, когда не было еще знакомого нам мира, а, значит, и не было времени, не было истории. Там, вне истории и до истории, еще не было ошибок, а значит, - не было и смерти. Это возвращение к тому перекрестку, на котором впервые произошел сбой, когда впервые было избрано неверное направление движения. Ты понял, что перепутал дороги? - Вернись к перекрестку и пойдешь другим путем. Но для этого прежде - пройди обратный путь, пройди вспять по пути своей жизни (хотя бы путем покаянного ее припоминания), вернись к исходной точке. Так в религиозном сознании оказались совмещены символы морской глубины, крещения, покаяния, возрождения к новой жизни.

Воды сами по себе, впрочем, не могут произвести жизнь. Большинство религий мира полагают, что вода родила жизнь вследствие вторжения в нее иного, небесно-деятельного начала: молния, бьющая в воды, рождает жизнь (вспомним индо-арийский миф о громовержце Вритре, побеждающем водного дракона Индру). Рождение происходит "водою и огнем" или "водою и духом", "водою и Словом". Слово Творца, подобно молнии, вторгается в дремлющие первоходы, расторгает их внутреннее неразлично-индифферентное единство, разделяет воды, структурирует их - и создает из них первую жизнь.

Иногда психологи полагают, что за этими по сути общерелигиозными представлениями стоят подсознательные воспоминания о начале человеческой жизни. Жизнь начинается с зачатия; зачатие же есть именно вторжение извне (вторжение семени) в молчаливые и спокойные воды яйцеклетки. Это вторжение нарушает покой вод, но именно потому они, приходя в волнение, начинают "разделяться" и это все умножающееся и усложняющееся деление приводит в конце концов к рождению нового человека...

Итак, в мифах человечества и в подсознании человека есть устойчивый архетип, сближающий погружение в воды с рождением и с возрождением. Полагаю, что создатели фильма о "Титанике" были достаточно грамотными людьми, чтобы знать об этих ассоциациях - и потому вполне сознательно их вызывать у зрителя.

ПРОЧТЕНИЕ ВТОРОЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ПОСМЕРТИЯ

Так что же за новая жизнь приоткрывается в конце "Титаника"? Смотрим следующую сцену за бросанием бриллианта в море. Роуз испускает последнее дыхание. Камера отходит от ее лица к темной стене, а затем... погружается тем путем, которым чуть раньше последовал бриллиант - в сердце моря. Вслед за ним в те же глубины следует душа умершей Роуз. Камера ("глаза" уходящей души) подходит к затонувшему "Титанику" и летит по коридору, постепенно наполняющемуся светом... Итак, не просто бриллиант, но и сама душа погружается в тот мир, который стоит на грани смерти и жизни (или жизни и смерти).

Здесь надо вспомнить другой опыт, равно знакомый и психиатрам, и мифологам: опыт умирания (психиатрам знакомый по описаниям людей, переживших клиническую смерть, а религиям по опыту их инициаций, мистерий и видений) включает в себя следование по темному коридору, который в итоге выводит на Свет, на встречу с Богом. Этот опыт умирания на весьма большом материале описан в знаменитых книгах Моуди. Стоит лишь добавить, что если бы младенец мог поделиться с нами воспоминаниями о своем рождении - он выразил бы его точно в таких же образах: выход из привычной жизненной среды (материнской утробы) протекает через длинный темный и

болезненный коридор, за которым блещет обилие света и новых лиц.

Так и в "Титанике": погружение в глубину вод сменяется следованием по коридору. Коридор переходит в свет. В свете проявляются лица. Те, кто честно умерли, не оттолкнули других, не убежали с корабля - они встречают спустившуюся (или уже, напротив, поднявшуюся?) к ним душу.

Собственно, концовка фильма отрицает его начало. Завязка сюжета: до зубов вооруженные наукоемкой технологией искатели затонувших сокровищ тревожат покой затонувшего "Титаника", чтобы поднять с морского дна к новой жизни части корабля и имущества пассажиров. Прежде всего они ищут драгоценный бриллиант (ибо уверены, что он затонул вместе с кораблем; о том, что он был сохранен Роуз, не знает никто до самой концовки фильма). Эта попытка механического возвращения к жизни (хотя бы культурно-музейной) "Титаника" терпит крах. Для механических глаз - глубоководных телекамер - "Титаник" мертв. Но есть иной путь преодоления времени, истории, смерти. Это путь любви и путь мистерии. "Титаник" безвозвратно погиб. Тела утонувших давно съедены рыбами. Но ДУШИ ЖИВЫ. Человек, читавший Библию, может вспомнить: "Сильна как смерть любовь... И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить" (Песнь песней 8,6; Мф. 10,28). Верность и любовь могут то, чего не могут батискафы.

Несомненно, что верхом идиотизма было бы считать, будто по убеждению создателей фильма аквалангист, спустившийся к затонувшему "Титанику", найдет там залитый не водой, но светом банкетный зал, наполненный счастливыми людьми в вечерних туалетах (а именно таким предстает уже затонувший "Титаник" в последних кадрах фильма). Но не менее смешно выглядят попытки буквалистского прочтения тех религиозных текстов, которые исполнены подобного символизма. И уже совсем странно выглядела бы "научно-позитивистская" полемика, стремящаяся опровергнуть символические тексты (фильма о "Титанике" или Библии) ссылками на "данные науки": мол, в затонувшем "Титанике" не может быть жизни, а Иона не мог быть проглочен китом...

ПРОЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕ: ЧТО ЗНАЧАТ БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ

Памятуя о том, что было сказано выше о символизме морских глубин в религиозном мышлении, посмотрим на библейскую притчу о пророке Ионе. Корабль, на котором он путешествует, застигнут бурей. Люди поняли, что обрушившееся на них бедствие есть Божия кара за их грехи. И потому Иона бросается в море, чтобы принести себя в искупительную жертву. Он отказывается от своей жизни, погружает себя в морские пучины, чтобы очистить от грехов и защитить от Божеского гнева других людей. В морских глубинах Иона встречается с китом, который заглатывает его. Но, чудесным образом пребывая во чреве китовом три дня, Иона спасается и оказывается на земле, где начинает проповедь покаяния жителям Ниневии.

Стоит ли в ответ на это библейское повествование облачаться во всеоружие современных зоологических представлений и утверждать, что кит, питающийся планктоном, не может проглотить и рыбки, не то что человека? Стоит ли приводить химические формулы реакций, происходящих в желудке кита, и доказывать, что в этой кислотной среде человеку никак не прожить три дня? Если кому-то понравится такое занятие - то пусть уж заодно отчитает Льва Толстого за то, что у него солнце "встает" над Аустерлицем. В просвещенном XIX веке, конечно, следовало написать строго научно: "Планета Земля повернулась на столько-то градусов вокруг своей оси по отношению к центральному светилу, и потому солнечные лучи смогли под таким-то углом достичь поверхности земли в районе Аустерлица". И пусть такой критик устроит публичную порку Тютчеву за его совершенно антинаучные стишки насчет Черного моря: "Опять зовет и к делу нудит родную Русь твоя волна, и к распре той, что Бог рассудит, великий Севастополь будит от заколдованного сна. И то, что ты во время оно от бранных скрыла непогод в свое сочувственное лоно, отдашь ты нам - и без урона - бессмертный черноморский флот"...

Любой текст надо рассматривать, исходя из его соответствия тем целям, которые он сам ставил перед собой. Текст не должен отвечать на те вопросы, которые есть у нас; он должен ответить на те вопросы, ради ответа на которые его создал его автор. Иначе можно выбросить вон Достоевского за то, что он не отвечает на вопросы из области квантовой механики. И Библию за то, что она понимает многие слова и события не так, как их понимает современная биология.

Ведь тот кит, о котором говорит Библия, совсем не тот, что знаком современным биологам. Евреи - народ сухопутный, и в их языке не было уж очень большого запаса слов для обозначения многообразия морских обитателей. То еврейское слово (*dag*), что русские переводчики перевели словом "кит", означает всего лишь "большая рыба". Так что если уж и будут претензии у ученых - то не к Библии, а к ее переводчикам. Что такое "большая рыба" религиозного текста - это знают не биологи, а религиоведы. Это и есть тектонические чудовища ("драконы", "водные змии"), которые в мифах всех народов символизируют изначальные, докосмические, неупорядоченные воды. На библейском языке "киты" (греч. *khton*; евр. *dag*) и "драконы" (греч. *drakontes*; евр. *tanninim*) - слова взаимозаменяемые. Так, например, в книге Бытия 1.21 русские переводчики вслед за авторами Септуагинты (перевод книг Ветхого Завета на греческий, исполненный в третьем веке до Р.Хр.) слово *tannin* перевели как "кит" (*khtos*), а Аквила (иудейский переводчик тех же книг на греческий же язык, работавший уже во втором веке по Р.Хр.) перевел это же слово как *drakontas*.

На языке Библии по сути все равно, как сказать: "Иону поглотили воды" или "большая рыба" или "смерть". Водные чудовища есть персонификация водного хаоса, то есть мира, в котором еще нет жизни, и который даже, пожалуй, враждебен жизни. Это символ того хаоса, который от века подмывает берега, который шевелится под космосом (напомню, что космос - это упорядоченное бытие) и грозит все вернуть в изначальную неразличимость и всерастворенность. Вот в этот мир смерти и бросил себя добровольно Иона. Он приносит себя в жертву. Но по воле Творца, то есть Того, Кто изначальное из хаоса сотворил космос, смерть оказалась над ним бессильна. Тот, Кто на заре мироздания из безжизненного мира смог вывести жизнь, может повторить это чудо. Создавший из воды всю жизнь может и одну душу известить из вод и из царства смерти (пред-жизни). Спустя столетия то же самое произойдет

со Христом. Но рассказ о жертве Христа будет выражен уже на другом языке - не на языке мифа, а на языке истории. Иона же в христианском восприятии стал прообразом Христа.

Христова победа над смертью стала основой для нашего водного крещения. Вспомним, что по-гречески слово *baptisma*, переводимое у нас как "крещение", означает буквально "погружение", и прочитаем: "все мы, крестившиеся во Христа, в смерть Его крестились. Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых, так и нам ходить в обновленной жизни" (Рим. 6,3-4). Крещальная купель символически тождественна могиле Христа, миру смерти. Поэтому эту воду надо обязательно освятить перед крещением. И поэтому священник, опуская в этот символ смерти свои сложенные крестообразно пальцы, говорит: "Да сокрушатся под знамением образа Креста Твоего вся сопротивная силы... И да не утаится в воде сей демон темный, но Ты, Владыко всех, покажи воду сию, воду избавления".

Могила Христа осталась пустой. Его Жизнь оказалась сильнее смерти. Так же и купель крещения становится для нас входом в ту единственную погребальную камеру, которая оказалась пробита Воскресением. К новой жизни - через смерть, через воду. Пасха Ветхого Завета - прохождение через воду (бегство евреев из Египта через Красное море). Пасха Нового Завета - через погребальную пещеру (через смерть и Воскресение Христа). Крещение совмещает в себе обе символики.

О ПРАВДЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ ГОВОРЯ

Есть еще одна ниточка, связующая погружение Ионы в водные пучины и жертву Христа. И Иона, и Христос преодолели вязкость смерти: оба воскресли "на третий день". Св. Мефодий Олимпийский, христианский писатель III века, пояснял значение этой подробности библейских сказаний: "Великую тайну заключает в себе история Ионы. Под китом, кажется, разумеется время, как никогда не останавливающееся, но всегда текущее и поглощающее рождающиеся вещества в более или менее продолжительные промежутки времени... Свержение Ионы с корабля в море означает ниспадение от жизни в смерть первозданного. Поглощение китом означает наше неизбежное разрушение, происходящее во времени; ибо чрево, в котором скрылся поглощенный Иона, есть всепоглощающая земля, принимающая все, истребляемое временем. И так подобно тому, как Иона, проведши во чреве кита три дня и столько же ночей, вышел опять здоровым, так и все мы, прошедши на земле три расстояния настоящего века, то есть начало, средину и конец, из которых состоит настоящее время, воскреснем. Ибо вообще три подразделения времени: прошедшее, настоящее и будущее. Посему и Господь, знаменательно проведши в земле столько же дней, ясно показал, что по исполнении упомянутых подразделений времени наступит наше воскресение, которое есть начало будущего века и конец настоящего. В том веке нет ни прошедшего, ни будущего, а только настоящее".

Кит=вода. Вода=хаос. Вода=время. Время=смерть. Путь в жизнь - обратный: это выход из пасти водного чудовища, это освобождение от времени, преодоление смерти и исхождение из воды. Вхождение в жизнь связано с вхождением в Вечность. Обретение Вечности есть преодоление времени. Преодоление времени есть раскаяние в своих грехах, которые человек, живя во времени, совершил против воли Вечного Бога. Покаяние - попытка человека растождествить себя и свое прошлое: "Господи, не запомни меня таким, каким я был в ту минуту, не отождествляй меня и тот мой поступок, позволь мне быть другим!". Совсем не случайно, что Иона, спасшийся из чрева кита, выступает на страницах Библии как проповедник покаяния. Та же нерасторжимая связь погружения в воды и покаяния будет у Иоанна Крестителя и у Христа. Крещение и покаяние едины. И притча об Ионе не есть рассказ "из жизни животных", но повествование о жизни человека, о самом человеческом в человеке - о его способности к покаянному обновлению.

Вообще при вдумчивом и любящем взглядывании в религиозные символы и тексты они раскрывают в себе такие глубины, которые не заметны нигилистически или враждебно настроенному рассудку.

Я не буду утверждать, будто все в Православии и в Библии научно. Естествознание - не единственный способ человеческого познания и не единственный способ мысли. Мы называем православие "верой", а не "синтезом науки и философии". Изначально настаивая на том, что язык нашей мысли не является языком позитивистской науки, Православие ставит себя на другую плоскость, нежели биология или астрономия, и потому не входит с ними в отношение прямого логического противоречия. У религий и у мифов есть свой язык. Его надо изучать и в него надо вдумываться. Но есть еще и мифы о религиях. Вот с ними-то и надо полемизировать, в том числе используя язык гуманитарной науки, язык религиоведения.

Язык последних сцен "Титаника" близок к языку поэзии и к языку мифа. Глазами инженера или авантюриста можно смотреть весь этот длиннющий фильм. Но последние его минуты лучше посмотреть другими глазами. Тогда они не покажутся непонятным сентиментальным довеском к "фильму-катастрофе".

Создатели "Титаника" вряд ли знали стихи Бальмонта. Но их знаем мы. И потому имеем право сопоставить:

*Что лиц милей, ушедших без возврата?
Мы были вместе. Память их жива.
Я помню каждый взгляд, и все слова.
Они слышней громового раската.
Как запахом - раздавленная мята
Сильней, чем вся окрестная трава,
Так слышен голос Божества
В том, что любил, в твоём, что смертью смято.
Насмешкой был бы мир, всё было б зря
Когда бы жизнь сменялась пустотой.
Не на песке свою часовню строю -
О правде воскресенья говоря...*

<http://www.wco.ru/biblio/books/kur6/Main.htm>

Молитвы святому благоверному князю Олегу Брянскому

О преподобне отче благоверне княже Олеже, угодниче Христов, усердный молитвенниче ко Господу теплый, защитниче в бедах и утешителю в печалех неустанный: воззри всеблаженне на град твой, виждь чадо твоя, смиренно припадающия, служить тебе хотящия, не отвергни требующия твоя помощи, но, яко благодатель и ходатай, моли присно Господа и Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, да благословит державу Российскую в мире и благоверии сохраняя, грады умножая, достояние свое соблюдая. Вознеси, богоносне отче наш, сие малое моление недостойных раб твоих Владыце Христу, да утвердит во Святей Православной Церкви живой дух православныя веры, любовь, благочестие непоколебимо, любомудрие Христо-последовательно; да дарует пастырям ревность попечения о спасении людей, яко неверущия просветити, заблудшия наставить и отпадшия обратити и привлеци, изряднее же, да вся чада Церкви Православныя чисты сохранит от мирских искушений, суетности и суеверий и наваждений вражеских. Ей, угодниче Божий не презри нас молящихся тебе, но помози нам скорым предстательством твоим, да всяких бед, напастей и скорбей в сей жизни временней избежавше, кончину непостыдну обретем и, тако благоугодно на земле поживше, жизни райския на небеси сподобимся, идеже вкупе с тобою прославим человеколюбие и щедроты в Троице славимаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа, во веки веков. Аминь.

Месяцеслов

Воскресенье, 30 Сентября 2007 года. Неделя 18-я по Пятидесятнице.
Неделя по Воздвижению. Попразднство Воздвижения Креста

Мцц. Веры, Надежды, Любви и Матери их Софии, Икон Божией Матери Цареградской и Макарьевской

Понедельник, 1 Октября 2007 года. Седмица 19-я по Пятидесятнице.

Прп. Евмения, еп. Гортинского, Мц. Ариадны. Мцц. Софии и Ирины,
Икон Божией Матери 'Целительница' и Старорусской

Вторник, 2 Октября 2007 года.

Мчч. Трофима, Савватия и Доримедонта, Блгвв. кнн. Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина,
чудотворцев Смоленских и Ярославских, Мч. Зосимы пустынника, Блгв. кн. Игоря Черниговского и Киевского

Среда, 3 Октября 2007 года.

Вмч. Евстафия Плакиды и иже с ним, Прп. и блгв. кн. Олега Брянского

Мчч. и испп. кн. Михаила и боярина его Феодора, Черниговских,

Четверг, 4 Октября 2007 года.

Отдание праздника Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня
Отдание праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста,
Апостола от 70-ти Кондрата, Обретение мощей свт. Димитрия, митр. Ростовского

Пятница, 5 Октября 2007 года.

Прор. Ионы, Сщмч. Фоки, еп. Синопийского, Прп. Ионы и Феодора Начертанного, Прав. Петра,
Прп. Макария Жабынского, Белевского чудотворца, Собор Тульских святых

Суббота, 6 Октября 2007 года.

Зачатие Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, Мч. Ираиды девы, Прославление свт. Иннокентия, митр.
Московского,
Словенской иконы Божией Матери